

шей восприимчивости, я запомнил его раз навсегда, чего со мной не бывает обычно. Не то чтобы даже запомнил, а оно стало моим, оказалось тем ключом к самопониманию, который я сам тщетно пытался выковать. Мало того, для меня облегчилось понимание Адамовича. Как будто приподнялась завеса ревниво разделяющая сознания. Беспощадная правдивость большого искусства, ничего общего не имеющего с декламацией, открыла за строчками живое и страдающее человеческое лицо. Я принимал себя на том, что читая эти стихи, шептал про себя: «Да... Так... А, вот что? — Ну, конечно! Да и как же иначе!».

Чтение обратилось в дружеский, глубоко-интимный разговор. И это, несмотря на сдержанность этих строк, несмотря на холодок усталого и скептического сознания поэта. Я не стану приводить этого стихотворения, потому что мне могут указать, и уже указывали, что есть в книге вещи значительнее, и с этим трудно спорить, но это только укрепляет во мне чувство восхищения: не только за меня, но и других. Г. Адамович умеет чувствовать и говорить.

Третья книжка стихов Александра Гингера, шестой выпуск серии «Русских поэтов», «Жалоба и торжество», соседствует, в порядке выхода, с Г. Адамовичем. Какой контраст!

У Гингера все — ипрочность, жестокое столкновение звуков, совершенное отсутствие чувства языка, «сканция» — по мысли одних, жонглёрство — как мне кажется.

Искание — законное право поэта. При всяком новаторстве неизбежны провалы, но они прощительны тогда, когда являлись достижения, удача, находки. Так глотается горькое лекарство, несущее исцеление; но после ознакомления с «Жалобой и тор-

жеством» естественно захворать эрзовому.

Невозможно оставаться равнодушным к коверканью, которому подвергает русскую речь Гингер. Если бы у нас существовало Общество Покровительства Родного Слова, оно привлекло бы его к ответственности. К сожалению, слово не имеет защитников. Между тем, это — наше единственное и лучшее достояние и равнодушное молчание — недопустимо.

Привожу для недоверчивого читателя следующие строки из стихотворения «Перстень» —

«И не моими-ль рыбьими словами
Изобразить веселые дела:
Как Божий раб-куражила над льва-
ми,
Как совесть закушала удила;

Как лещ, сияя по водопроводу,
Рапортовал и плакал впопыхах.
А сонны туч пошли, шумя про воду,
И дождик пал, и шелком садня пах.
Николай Вадимъ

А. Е. ПРЕСНЯКОВ. Лекции по русской истории, Т. т. I и II. Москва 1939.

Имя проф. А. Е. Преснякова, временно погибшего в расцвете сил, заслужено стоит на ряду с блестящими именами его старших предшественников, В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. За время своей ученой деятельности он подверг тщательному анализу и пересмотру многие представления о важнейших явлениях русской истории, прочно осевшие в нашей историографии и в программах университетских курсов, хотя они иногда не вполне соответствовали принятой «общей схеме» и системе изложения общерусской истории.

На это несоответствие давно уже обращалось внимание критики, а некоторые, так наз. «левые», ученые

указывали даже на искусственность как самой «обычной схемы», так и принятой системы изложения русской истории. Еще П. Н. Милюков в 1897 г. утверждал, что «схема эта стара, что она получила свое начало в историографической схеме московский книжников и в основе ее лежит генеалогическая идея — генеалогия московской династии», что когда «русская историография начала постепенно осваивать свои источники, — источники эти встретили исследователя со своим готовым взглядом, сложившимся веками; что эта готовая нить, предлагавшаяся источниками, вела исследователя по проторенным путям; таким образом, исследователь воображал делать открытия, осмысливать историю, — а, в сущности, он шел на плечах наших философов XV и XVI столетия» («Главные течения русской исторической мысли», Москва, 1897). Проф. Грушевский предлагал начинать историю северо-восточной Руси отдельно и самостоятельно, а не от киевского периода, так как она не является «ни преемницей, ни наследницей» Киевской Руси, «а выросла на своем корню». (См. сборник П-го отделения Импер. Академии наук, вып. I СПб. 1904).

А. Е. Пресняков подверг заново острому, критическому анализу некоторые недоуменные, но установившиеся представления в нашей исторической литературе, имея главной задачей «восстановить по возможности права источника и факта в представлении об одной из важнейших явлений русской истории — образования Велико-русского государства». Огромный труд проф. Преснякова не был только пересмотром, так как сопровождался рядом самостоятельных и вполне оригинальных исследований. В результате он как бы реставрировал старое незаконченное здание системы изложения русской истории и

убрал, наконец, с этого здания поддерживающие его «сеса», куда именно и направлялось главным образом внимание критиков. Эта задача блестяще разрешена А. Е. Пресняковым в его диссертации «Образование Велико-русского государства» (Петроград. 1918 г.).

В свете этого труда не находят оправдания концепции Милюкова и проф. Грушевского. Автор диссертации даже находит некоторое оправдание последнему: «Многим из читателей великороссов точка зрения М. С. Грушевского может показаться парадоксальной, так как она разрушает привычное представление о «единой» истории «единого» русского народа. Однако, она вовсе не так исключительна, как может на первый взгляд показаться. Напротив, не будет преувеличением назвать ее, во многом, характерной и для нашей «великорусской» историографии. Обусловленная у М. С. Грушевского потребностью отграничения украинской истории, в ее целом, от истории Велико-россии, она может опереться на ряд выводов и суждений, принятых и разработанных в трудах «общерусской» исторической литературы».

Вот этот «ряд выводов и суждений», дававших опору для обоснования «новых концепций» русской истории, как раз и подвергаются тщательному анализу и пересмотру в первых двух томах, впервые увидевших свет, «лекций» проф. Преснякова. В них заново определяется место киевского периода в общей системе Русской истории, как первичный исходный пункт этой истории, и прослеживаются судьбы русских земель оторванных с XIII по XVI в., «когда децентрализация исторического процесса, создавая значительные различия в политических и культурно-исторических условиях для отдельных ветвей русского племени, при-

вела к образованию трех крупных народностей — великорусской, белорусской и украинской», разившихся «в три определенно выраженных типа русской народности». Происшедшие в этом периоде отличия во внутреннем, общественном, политическом быту, по сравнению с киевским периодом, настолько значительны, «что

наша историография лишь в самое последнее время стала улавливать и устанавливать нити непрерывной эволюции, связывающей позднейшую историческую жизнь с явлениями древнерусского общественного быта».

Н. Р.